

Между жизнью и смертью

Текст: В. Ценев

Виталий Ценёв,

новосибирский психолог, работающий в сферах психологического образования, рекламы и масс-медиа.

Писатель, автор нескольких популярных книг: «Протоколы колдуна Стоменова», «Психология рекламы. Реклама, НЛП и 25 кадр», «Язык политических телодвижений», «Распечатанные письма Бога».

Автор популярного психологического Интернет-проекта «Продвинутая психология для совершеннолетних» (Psyberia.ru).

Я знаю, что испытывает приговоренный к смерти. Я это пережил. Мне приснилось, что с минуты на минуту меня расстреляют. Да, это был только сон. Но я уверен, что человек, приговоренный к смерти, испытывает нечто подобное. Нет, я не любовался «в последний раз» облаками и не томился в тоскливом восхищении от их красоты, которую я вот-вот потеряю навсегда. Нет, я не слышал сладкого пения птиц, и мое сердце не разрывало на части от сожаления, что эту прекрасную музыку я слышу в последний раз. Ничего этого не было.

В детстве я смотрел фильмы про войну, в некоторых из них встречались сцены ожидания казни. И обязательно эта прекрасная природа, и красота облаков, и пение птиц, и сладкий воздух, который ты вдыхаешь в последний раз.

Но теперь я знаю доподлинно, что происходит в эти последние минуты на самом деле. На самом деле в эти последние минуты восприятие мира принципиально меняется. И все происходящее вокруг — шаги людей, порывы ветра, скрип двери, движения и выражение лица палача, шелест бумаги, бой часов, — абсолютно все вокруг как будто обещает тебе, что с тобой этого — не произойдет. Сейчас что-то непременно изменится. Сейчас кто-то зайдет в дверь и скажет, что казнь отменяется. Сейчас палач скажет, что это была только угроза. Сейчас произойдет что-то очень важное, и ты останешься жив. И это «доказывает» абсолютно все происходящее вокруг.

Если ты слышишь, как тикает стрелка часов, то это значит, что сейчас что-то изменится, что-то пойдет иначе, и тебя не расстреляют. Каждое событие вокруг воспринимается как знак. Верный знак того, что сейчас что-то изменится, и я останусь жив! Меня не расстреляют! Этого не произойдет, потому что — вот сейчас, с минуты на минуту — случится нечто важное, и казнь будет отменена.

Может быть, верующий человек переживает иначе. Может быть, в эти минуты молится своему Богу и уповаает на спасение свыше. «Да минует меня чаша сия». Но я — не верю в Бога. Даже во сне. Даже перед лицом неминуемой смерти. Когда я прочитал о том, что Чикатило писал прошение о помиловании на имя Ельцина, я был крайне удивлен: неужели он надеялся, что его действительно помилуют?

Теперь я знаю. Он не надеялся на помилование. Нет. Чикатило был абсолютно уверен в том, что ему сохранят жизнь. Во сне мой палач менял позы, переминался с ноги на ногу, и каждый раз при этом я видел в этом достоверный знак, который обещает мне спасение. Я жадно ждал, что именно сейчас произойдет нечто важное, и казнь будет отменена. Просто потому, что это обязательно должно случиться. Да. Чикатило был абсолютно уверен.

Чего вы ждете теперь? Что я буду говорить о жизни? О том, как она важна, и что птички поют, и солнышко светит? Нет. Я буду говорить о смерти. Потому что понять, пережить и страстно желать, насколько

отчаянно хочется жить, можно только перед лицом смерти. И пока все хорошо или более или менее, вы не сможете найти ответа на вопрос, зачем нужно жить. Где оно, это страшное желание именно жить? Действо-

пусть с вами никогда этого не произойдет. Ни самолетов, которые терпят бедствие, ни самолетов, захваченных террористами. Пусть будет «долго и счастливо». Но говорить мы будем о смерти. Потому что страх перед

тор основательного обзора идей Зигмунда Фрейда, предположил, что на концепцию Танатоса (влечение к смерти) в значительной степени повлияла болезненная реакция Фрейда на массовые убийства во время первой мировой войны.

Смерть отталкивает. Есть только один инстинкт, одно влечение — жить. И чем ближе «лицо» смертельной опасности, тем сильнее хочется жить. Вы должны понимать это, в первую очередь, как физическую константу жизненной силы. Как пружину эволюции, у которой сила противодействия прямо пропорциональна силе действия.

Чем больше давление на «пружину смерти», тем сильнее ее сопротивление, тем больше вас будет отталкивать «в жизнь». Справедливо и обратное: чем меньше давление на «пружину смерти», тем меньше ваша жизненная сила.

В одном из исследований было показано, что хирургические операции без наркоза, которые делали солдатам во время Первой мировой войны, оказались много более эффективны, чем аналогичные операции под наркозом.

Психолог Ганс Айзенк, автор знаменитого теста коэффициента интеллекта (IQ), «прописывал» всем пациентам «лекарство», который вызывает приступы удушья. Независимо от поставленного диагноза. Больной должен был принимать данный препарат до тех пор, пока его болезнь не пройдет. Или рекомендовал электрошок. Естественно, что при таком «лечении» больной выздоравливал с невиданной для медицины скоростью.

Смерть отталкивает. Закон жизни. Никакого «влечения к смерти» не существует. Есть единственное желание, единственное настоящее влечение — влечение жить. Чем ближе смерть, тем сильнее желание жить. И наоборот.

Смертельное телевидение

По данным журнала «Херцу», в фильмах, показанных по немецкому телевидению, в сумме за год было показано 25000 убийств. Из них 439 раз были показаны сцены изнасилования, издевательства и убийства детей.

«Теленасилие в последнее время буквально захлестывает зрителя», — сетует специалист по серийным

По данным журнала «Херцу», в фильмах, показанных по немецкому телевидению, в сумме за год было показано 25000 убийств. Из них 439 раз были показаны сцены изнасилования, издевательства и убийства детей

вать, стремится, бороться и двигаться дальше? Когда вам трудно, вы спрашиваете иногда — а зачем? — и не находите ответа на этот вопрос.

Потому что вот она, ваша жизнь, она здесь и сейчас, и заглядывая вперед, вы видите, что и там у вас какая-то жизнь, такая же, как и сейчас, или другая, но, по большому счету, все то же самое, суета сует и томление духа. И вы не знаете, зачем и какой в этом смысл. Я живу, Вася живет, все как-то живут.

Но когда вы оказываетесь лицом к лицу со смертью, — как в фильме «Размах крыльев», где самолет терпит бедствие (или как в фильме «Угон рейса 93», в котором самолет захватили террористы), — вы вдруг отчаянно понимаете, что ваша жизнь — должна продолжаться. И что у вас есть дети, о которых вам нужно позаботиться. И дела, которые вы не успели сделать. И чувства, которые вы не смогли как следует выразить. И тысячи других причин, по которым вы обязательно должны жить. И

смертью является наиболее сильной мотивацией жить.

Смерть вдохновляет жить

Смерть отталкивает. Вид смерти. Запах смерти. Мысли о смерти. Отталкивает. Часто говорят, что люди в экстремальных ситуациях способны на физические усилия, которые невозможны в обычных ситуациях. Маловероятно, что вы сможете перепрыгнуть через двухметровый забор от любви к рыбкам и красивым облакам. А вот если вы убегае от агрессивной собаки или преступника, то нет ничего невозможного.

Вы можете возразить, что в подобных случаях человеком движет страх. Это верно. Но задумайтесь на мгновение, что такое страх. Страх — это реакция на опасность. Любая опасность — связана с угрозой для жизнедеятельности. Реальная это угроза (озлобленная собака) или мнимая (страх микробов), не суть важно. Если есть страх, есть угроза жизнедеятельности. Во всех случаях, включая страх перед вторжением марсиан.

Смерть отталкивает. Когда вы читаете у Фрейда, что есть инстинкт смерти, влечение к смерти, вы должны знать, что у большинства психоаналитиков того времени концепция Фрейда о влечении к смерти вызвала отторжение. Было сделано предположение, что эти идеи «питались» патологическим страхом Фрейда, который вел изнурительную борьбу с раком. Многие психоаналитики сошлись во мнении, что эта концепция влечения к смерти не имеет ничего общего ни с психоанализом, ни с пониманием психологической природы человека вообще. Рудольф Брун, ав-

убийцам Александр Олимпиевич Бухановский. Как будто все телевидения всех стран сговорились, чтобы как следует «захлестнуть» зрителя именно насилием. Почему бы — можно задаться риторическим вопросом — не «захлестнуть» зрителя другими фильмами, которые учат «возлюбить ближнего как самого себя»? 25000 раз в год показали бы, как все друг друга любят, и было бы счастье.

Нет. Массовая резня в Техасе бензопилой. Кошмар на улице Вязов. Смертельное оружие. Кровавый четверг. Избиения, пытки, убийства, изнасилования, катастрофы. Смерть — это товар, который пользуется огромным спросом. Телевидение никого не «захлестывает» и ничего не пытается навязать. Оно показывает только то, что дает рейтинг. Если птички и красота снежинок дадут больший рейтинг, чем мозги на асфальте, то телепередачи будут состоять исключительно из снежинок и «возлюби ближнего своего». Но мозги и убийства дают запредельно больший рейтинг. Это очевидно.

Исходя из этого, я бы сказал принципиально иначе: общество захлестнула потребность в переживании сцен, связанных с насилием и смертью. Это может не уложиться в голову, а поэтому я повторю еще раз:

Общество захлестнула потребность в переживании событий, которые связаны с болью, страданиями, насилием и смертью.

В каком-то фильме был эпизод, где девушка пережила катастрофу и чудом осталась жива. И вот она заходит в комнату, а ее отец сидит и смотрит новости, где рассказывают про эту катастрофу. И она истерически кричит — выключи это немедленно! — потому что человек, который пережил нечто ужасное, физически страдает от любых сцен смерти и насилия. И никому из тех, кто пережил «Норд-Ост» или Беслан, не придет в голову смотреть фильмы из серии «Техасская резня бензопилой» или «Кошмар на улице Вязов».

Люди, которые пережили войну, не любят о ней вспоминать, не любят фильмы про войну. Мой дед прошел через Освенцим и Бухенвальд. Почти ничего не рассказывал, потому что сразу начинал плакать. Я знал человека, который служил в Афганистане. Он избегал спиртного, и я думал, что он не пьет, потому что по профессии положено (он работал телохранителем). Но однажды он

выпил, и я видел, как он плакал, выл, ревел, бессвязно что-то бормотал, и никто не мог его успокоить. Потом, когда он немного успокоился, он рассказал один эпизод, как похищали наших солдат, накачивали их наркотиками, а потом — с живых! — снимали кожу и бросали умирать. Больше он никогда не пил и никогда ничего не рассказывал.

Смерть отталкивает физически. Это исключительно сильная мотивирующая сила жить. Жажда жизни. Инстинкт выживания. Жизненная сила. Но если общество отчуждается от смерти, если соприкосновение со смертью становится смутной абстракцией, — у общества исчезает мотивация жить. Жизнь перестает быть ценностью, потребностью, смыслом. И тогда вы задаете вопрос: зачем? И тогда вы задаете вопрос: какой в этом смысл? И идете лечиться к психологу, который уверяет вас в том, что «жизнь прекрасна и удивительна», и как важно при этом коллекционировать марки или этикетки от пивных бутылок.

И тогда появляется все более и более возрастающий интерес к смерти. Именно потому, что она отталкивает вас в жизнь. И чем сильнее вы нажимаете на пружину смерти, тем сильнее ваша мотивация. И эти 25 часов непрерывного насилия по

вую очередь. Все остальное, что «не стоит», является лишь следствием глубочайшего «жизненного» кризиса общества.

Однажды я читал фантастический рассказ о бессмертных людях. Главный герой, а он был обычный смертный, страстно хотел найти этих бессмертных людей. Но их не было среди смертных, и никто не знал, где они, эти бессмертные люди. И вот однажды главный герой их находит. В каком-то подвале, где они веками спали, покрытые пылью и паутиной. Они не жили, потому что в их жизни не было никакого смысла. Через сто, через тысячу, через миллион лет они будут жить, и это слово — жить! — было лишено для них всякого смысла.

Жить лишено всякого смысла. Вот что обещает случиться с обществом, которое отрицает смерть и насаждает исключительно витальные ценности.

Купите вашим добрым психологам птичек и рыбок. И пусть они радуются жизни! А мы с вами будем говорить о смерти. Продолжение следует. Мы будем говорить о самоубийцах и серийных убийцах (таких, как Чикатило). Мы будем говорить о наркотиках, адреналине, сексе и депрессии. Продолжение следует.

P.S. 14 сентября 1972 года се-

Общество захлестнула потребность в переживании событий, которые связаны с болью, страданиями, насилием и смертью

телевизору — еженедельно (по данным журнала «Херцу») — являются необходимым минимумом для того, чтобы человек работал, платил налоги, воспитывал детей и соблюдал правила дорожного движения. Но не потому, что люди настолько злы, агрессивны и жестоки. Нет.

Им нужна смерть — как некая жизненная сила, как кофеин, антидепрессанты, адреналин, алкоголь, никотин, наркотики, порнография и «Виагра». И это один логический ряд. И не рассказывайте мне сказки на тему зависимого поведения. Современному человеку, чтобы ощутить свою полноценность, нужно, чтобы по телевизору кому-то непременно вышибли мозги или пошинковали на салат бензопилой. И без этого у него просто «не стоит». На жизнь, в пер-

рийный убийца Эдмунд Кемпер задушил очередную жертву, пятнадцатилетнюю японку Эйко Ку. Задушив жертву, он изнасиловал труп и полужил, как он позже признался, «необыкновенное удовольствие». Ночью он положил труп Эйко Ку в свою кровать и уснул рядом с ним (много позже, на допросе, Кемпер скажет, что это были «самые счастливые минуты в его жизни»).

Утром 15 сентября Кемпер расчленил жертву, положил в багажник машины отрезанную голову и руки (чтобы потом выбросить их в океан) и... поехал на беседу к психиатру. Его психиатр был чрезвычайно доволен «позитивной динамикой» пациента, и заявил ему, что «не находит более оснований для продолжения лечения».